

Выбор стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона

Ю.В. Мишарин

Пермский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук,
614046, Пермь, ул. Барамзиной, д. 42/2, Российская Федерация

✉ 1907hb@gmail.com

Аннотация. В статье обобщены методологические подходы к разработке механизма выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона. Рассмотрены тенденции выбора приоритетов развития на основе базовых принципов устойчивого развития, различного рода «консенсусов», «инклюзивной экономики», «стейкхолдер экономики», «пончиковой экономики», «шеринг экономики». Сделан вывод, что рассмотренные методологические подходы так или иначе являются отражением принципов устойчивого развития, которые служат переходным этапом к ноосферному подходу, отражающему балансировку «интересов человека», «интересов природы» и «интересов технологий». Предложенный на основе этого представления механизм выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона по своей сути и представляет собой этот механизм. Предполагается, что такой механизм выбора стратегических приоритетов развития может служить «мостиком» для перехода к «ноономике» как к новой стадии развития.

Ключевые слова: экономика региона, пространственно-отраслевая структура, приоритеты развития, устойчивое развитие, стратегия, ноономика, стратегирование

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Мишарин Ю.В. Выбор стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона. *Экономика в промышленности*. 2021;14(3):249–263. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-3-249-263>

Selection of strategic priorities of development of regional spatial and sectoral structure

Yu.V. Misharin

The Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
42/2 Baramzina Str., Perm 614046, Russian Federation

✉ 1907hb@gmail.com

Abstract. The article generalizes methodological approaches to creating a mechanism for selecting strategic priorities of development of regional spatial and sectoral structure. The author studies the tendencies of choosing priorities of development in accordance with the basic principles of sustainable development, “consensuses” of various types, “inclusive economics”, “stakeholder economics”, “donut economics”, “sharing economics”. The conclusion is that methodological approaches under consideration are a kind of reflection of sustainable development principles. They serve as a transitional stage to noospheric approach that reflects balancing of “interests of a human”, “interests of the nature” and

“interests of technology”. The author applies to this conception to suggest a mechanism for selecting strategic priorities of development of regional spatial and sectoral structure. Such a mechanism for selecting strategic priorities of development is supposed to be a “bridge” for the transition to “noonomics” as a new stage of development.

Keywords: regional economy, spatial-industry structure, development priorities, sustainable development, strategy, noonomika, strategizing

Acknowledgements: The article was prepared in accordance with the 2021-2023 Plan of Scientific research work of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Misharin Yu.V. Selection of strategic priorities of development of regional spatial and sectoral structure. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2021;14(3):249–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-3-249-263>

为区域空间和产业结构的发展选择战略优先事项

Yu.V.米沙林

俄罗斯科学院乌拉尔分院经济研究所彼尔姆分所,
614046, 俄罗斯联邦, 彼尔姆市,
巴拉姆齐纳街42/2号,
✉ 1907hb@gmail.com

摘要: 本文概括了建立“为区域空间和产业结构的发展选择战略优先事项”的机制的方法论方法。研究了在可持续发展基本原则基础上选择发展的优先事项的趋势, 以及各种不同的“共识”、“包容性经济”、“利益相关者经济”、“甜甜圈经济”、“共享经济”等。得出的结论是, 所研究的方法论方法以某种方式反映了可持续发展的原则, 作为向“智力圈”方法的过渡阶段, 反映了“人类利益”、“自然利益”和“技术利益”的平衡。基于这一观点提出的机制是“为区域空间和产业结构的发展选择战略优先事项”的机制。我们认为, 这种选择发展的战略优先事项的机制可以作为过渡到“智能经济”这一新发展阶段的“桥梁”。

关键词: 发展的战略优先事项、区域空间和产业结构、可持续发展、智能经济、战略规化

致谢: 本文根据俄罗斯科学院乌拉尔分院经济研究所2021-2023年科研工作计划编写

Введение

В условиях динамично меняющейся ситуации в мирохозяйственной системе на страновом и региональном уровнях все более жестким становится требование выбора стратегических приоритетов развития. В.Л. Квинт и С.Д. Бодрунов в данном контексте предлагают концепцию ноономики, представляющую собой сложную теорию трансформации, опирающуюся на исследование технологических изменений и вытекающих из них сдвигов в общественном устройстве [1, с. 6].

Наиболее явно это требование в мирохозяйственной системе начинает выступать с момента первой промышленной революции (конец XVIII – начало XIX вв.). П.Г. Щедровицкий дает определенное представление об этапах промышленной революции (табл. 1) [2]. Обращает на себя внимание сокращение временных интервалов этапов промышленной революции.

Начавшаяся в конце XVIII в. промышленная революция являет собой непрерывный поэтапный процесс, когда последующий этап наследует результаты предыдущего и развивается на его основе. Именно поэтому следует говорить об этапах промышленной революции как об элементах целостного процесса с точками бифуркации.

Выделение очередного этапа промышленной революции обусловлено совокупностью определяющих его технологий, когда в результате развития формируется новый технологический уклад. Это наглядно представлено (рис. 1) С.Ю. Глазевым в работе [3, с. 55].

С.Ю. Глазев отмечает [3, с. 29]: «Смена технологических и мирохозяйственных укладов – болезненный процесс, сопровождающийся структурным кризисом, экономической депрессией, обострением военно-политической напряженности».

Таблица 1 / Table 1

Этапы промышленной революции

The stages of the industrial revolution

Этапы	Период	Инновации / прорывы	Результат
I промышленная революция	Конец XVIII – начало XIX в.	Водяные и паровые двигатели, ткацкие станки, механические устройства, транспорт, металлургия	Переход от аграрной экономики к промышленному производству, развитие транспорта
II промышленная революция	Вторая половина XIX – начало XX в.	Электрическая энергия, высококачественная сталь, нефтяная и химическая промышленность, телефон, телеграф	Поточное производство, электрификация, железные дороги, разделение труда
III промышленная революция	Конец XX в. (1970 г. – второе десятилетие XXI в.)	Цифровизация, развитие электроники, применение в производстве инфокоммуникационных технологий (ИКТ) и программного обеспечения (ПО)	Автоматизация и робототехника
IV промышленная революция	Термин введен в 2011 г. в Германии	Глобальные промышленные сети, Интернет вещей, переход на возобновляемые источники энергии, переход от металлов к композитным материалам, 3D-принтеры, вертикальные фермы, синтез пищи, самоуправляемый транспорт, нейросети, геномная модификация, биотехнологии, искусственный интеллект, концепция умного производства (Smart Manufacturing) – один из десяти проектов Industry 4.0	Распределенное производство, распределенная энергетика, сетевой коллективный доступ и потребление, замена посредников на распределенные сети, прямой доступ производителя к потребителю, экономика совместного использования (car sharing, например)

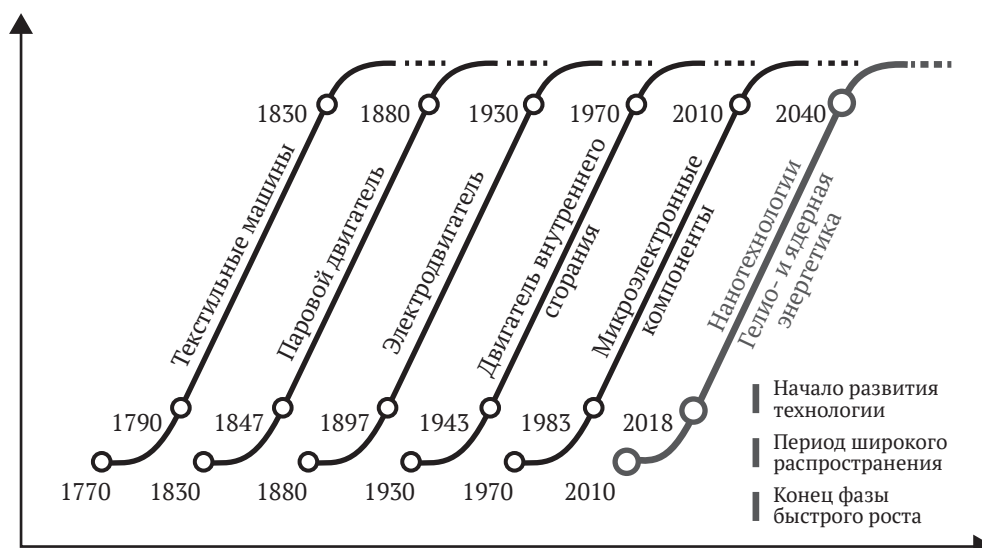

Рис. 1. Смена технологических укладов в ходе современного экономического развития с указанием их ключевых технологий преобразования энергии в работу [3]

Fig. 1. Change of technological structures in the course of modern economic development, indicating their key technologies for converting energy into work [3]

Промышленность является базовой сферой деятельности, в которой в первую очередь намечается и происходит смена технологических укладов.

Министерство экономического развития Российской Федерации на своем сайте представило «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 года»¹.

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf>

В этом документе до 2036 г. предполагается динамика промышленного производства (табл. 2), которая указывает скорее на стагнацию, чем на прорывной рост, обусловленный очередной сменой технологического уклада.

В «Прогнозе социально-экономического развития РФ до 2036 г.» в секторе обрабатывающих производств предполагается убывающая динамика, что может быть обусловлено данными (рис. 2), представленными в научном докладе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН) [4, с. 36].

Таблица 2 / Table 2

Динамика промышленного производства в 2017–2036 гг. согласно «Прогнозу социально-экономического развития РФ», в % к соответствующему периоду предыдущего года

Dynamics of industrial production in 2017–2036 according to the “Forecast of Social and Economic Development of the Russian Federation”, in % to the corresponding period of the previous year

Отрасль	2018	Среднее значение за период			Отношение 2036 к 2018
		2019–2024	2025–2030	2031–2036	
Промышленность – всего	3,0	3,0	3,0	2,8	67,5
Добыча полезных ископаемых	1,9	2,1	2,0	2,2	45,7
Обрабатывающие производства	3,7	3,6	3,4	3,1	81,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	1,6	2,1	2,0	1,6	40,1
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	–0,5	0,5	0,9	0,9	14,6

Рис. 2. Структурные характеристики деятельности по реконструкции и модернизации отраслей [4]

Fig. 2. Structural characteristics of activities for the reconstruction and modernization of industries [4]

Аналитические данные, представленные ИИП РАН, указывают на возрастающую динамику износа основных фондов при убывающей динамике инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию. При этом степень изношенности основных фондов в обрабатывающих производствах больше, чем в сельском хозяйстве.

В этих условиях при сокращении времени формирования и становления нового технологического уклада, инициирующего очередной этап промышленной революции, имеет место необходимость формирования и развития механизма выбора стратегических приоритетов развития, в том числе для пространственно-отраслевой структуры региона как базовой ячейки каждой страны и мирохозяйственной системы в целом.

Тенденции определения приоритетов развития

В конце XX – начале XXI вв. обозначилась тенденция определения приоритетов развития на общемировом и страновом уровнях согласно группам принципов развития, которые формируются исходя из практики мирохозяйственной деятельности, теоретически и методологически обосновываются. На основании этих групп разрабатываются стратегии развития, программы и проекты, анализируются результаты их ре-

ализации с корректировкой дальнейшей деятельности.

На общемировом уровне сформировалась группа принципов устойчивого развития (*Sustainable development*). Формирование этой группы было начато в рамках Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 5–16 июня 1972 г.). На Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.) была принята резолюция, в рамках которой определена группа из 27 принципов (рис. 3). В дальнейшем она корректировалась и дополнялась в различных решениях ООН по вопросам устойчивого развития.

К настоящему времени в рамках ООН сформулированы цели устойчивого развития (*Sustainable Development Goals*) в качестве ориентиров для выработки политики в области устойчивого развития на период до 2030 г. (70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 2015 г.). Определены 17 целей и 169 задач, достижение которых призвано обеспечить устойчивое развитие. Отличительной чертой принятых решений является комплексный и неделимый характер целей, которые обеспечивают сбалансированность трех ключевых компонентов устойчивого развития: социального, экономического, экологического.

Рис. 3. Группирование принципов устойчивого развития

Fig. 3. Grouping the principles of sustainable development

На страновом уровне можно выделить следующие две группы принципов развития:

- Сеульский консенсус в области развития для обеспечения всеобщего роста, принятый на G20 – Сеул, 2010 г.²;
- Стратегию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в сфере развития – Иокोगама, 2010 г.³

Особую группу принципов представляет собой «Вашингтонский консенсус» [5], включающий больше 20 принципов, сформулированный в 1989 г., с последующими дополнениями. Данные принципы развития продвигались Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком особенно в отношении развивающихся стран. Реализация принципов «Вашингтонского консенсуса» в Российской Федерации серьезно критикуется отечественными и зарубежными исследователями [6]. В апреле 2009 г. премьер-министр Великобритании Г. Браун на очередной встрече G20 заявил о конце «Вашингтонского консенсуса». В апреле 2011 г. тогдашний исполнительный директор МВФ Д. Стросс-Кан констатировал, что причиной кризиса 2008–2009 гг. стало именно выполнение принципов «Вашингтонского консенсуса».

На страновом уровне выделяются группы принципов развития, реализуемых в Китае («Пекинский консенсус») [7] и Индии («Мумбайский консенсус») [8]. В этих группах принципы устойчивого развития трансформированы с учетом национальных особенностей Китая и Индии. Как полагал Л. Саммерс, «Мумбайский консенсус», основанный на идее демократического развития государства, ориентирован не на меркантилистский акцент на экспорт, а сосредоточен на растущем уровне потребления и расширении среднего класса [8].

Проявления кризисов в последнее десятилетие в социальной, экономической, экологической и иных сферах жизнедеятельности человека инициировали поиски новых моделей экономики, отвечающих современным вызовам в мирохозяйственной системе. Здесь можно выделить следующие модели с характерными группами принципов развития: «инклюзивная экономика» (*Inclusive Economy, Inclusive Capitalism, Inclusive Development*) [9–11], «стейкхолдер экономика» (*Stakeholder Economy, Stakeholder Capitalism*) [12–15], «пончиковая экономика» (*Doughnut Economics*) [16, 17], «шеринг экономика» / «экономика совместного потребления» (*Sharing Economy / Collaborative Consumption*) [18–20].

² Приложение I к Декларации саммита «Группы двадцати». URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/769>

³ Стратегия АТЭС в сфере развития. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/776>

Как показывает анализ исследований по данным направлениям, принципы развития, определяемые в них, так или иначе сводятся к принципам устойчивого развития.

Так, представляет модель «пончиковой экономики» (*Doughnut Economics*) К. Raworth [16] (рис. 4).

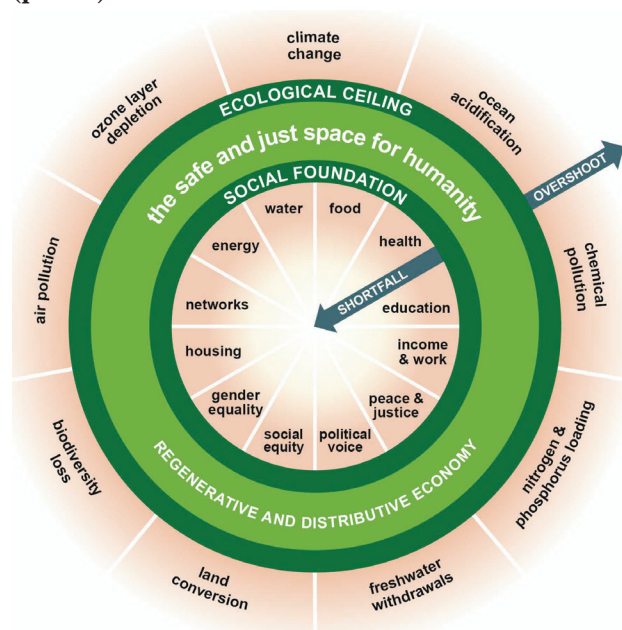

Рис. 4. Модель Doughnut Economics по К. Raworth [16]

Fig. 4. Model Donut Economics Kate Raworth [16]

Е.Д. Соложенцев в работе [17] дает интерпретацию этой модели (рис. 5).

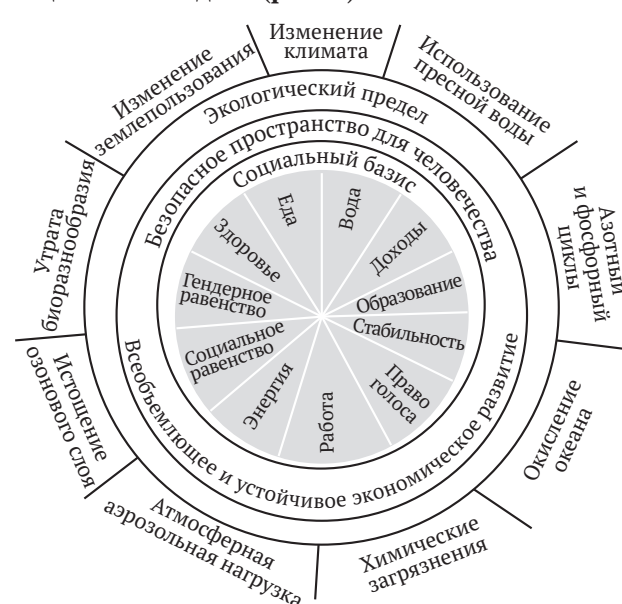

Рис. 5. Интерпретация модели Doughnut Economics по К. Raworth [17]

Fig. 5. Interpretation of the “Donut Economics” model by Kate Raworth [17]

Интерпретация этой модели, по мнению Е.Д. Соложенцева, дается в виде логико-вероятностной модели: «Диаграмма состоит из двух колец. Внутреннее кольцо «пончика» представляет собой достаточность ресурсов, необходимых нам для хорошей жизни: питание, чистая вода, жилье, санитария, энергетика, образование, здравоохранение, право голоса. Любой, кто живет вне внутреннего кольца, живет в яме посреди «пончика» и находится в состоянии лишений. Внешнее кольцо «пончика» представляет собой экологические лимиты Земли, выход за пределы которых грозит опасным изменением климата, истощением озона, загрязнением воды, потерей биологических видов и другими катастрофами. Область между двумя кольцами – сам «пончик» – это «экологически безопасное социальное пространство», в котором человечество должно стремиться жить. Цель экономики должна заключаться в том, чтобы помочь нам войти в это пространство и остаться там» [17, с. 8].

Сложившиеся к настоящему времени тенденции определения приоритетов развития подтверждают значимость для определения приоритетов данного автором определения устойчивого развития как баланса социальной, экономической, экологической и институциональной составляющих развития при опережающем росте потребностей населения и запросы рынка в технологическом развитии на основе создаваемых средств труда и знаний, обеспечивающим воспроизводство и развитие ноосферы в заданных границах пространства-времени [21, с. 9].

Нормативно-правовая база определения стратегических приоритетов развития региона

Нормативно-правовое регулирование в сфере определения стратегических приоритетов развития региона ведется по следующим направлениям:

- стратегическое планирование (Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ в ред. от 31.07.2020 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»);
- территориальное планирование (Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ в ред. от 30.04.2021);
- указы Президента Российской Федерации (Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 в ред. от 21.07.2020 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»);
- Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р в ред. от 23.03.2021 «Об утверждении Стратегии пространственного

развития Российской Федерации на период до 2025 года»;

- федеральные отраслевые стратегии развития;
- федеральные отраслевые и комплексные программы развития и проекты;
- региональные законы о стратегическом планировании (например, Закон Пермского края от 02.04.2010 № 598-ПК в ред. от 30.04.2021 «О стратегическом планировании в Пермском крае»);
- региональные законы о территориальном планировании (например, Закон Пермского края от 14.09.2011 № 805-ПК в ред. от 26.03.2021 «О градостроительной деятельности в Пермском крае»);
- региональные отраслевые стратегии развития;
- региональные отраслевые и комплексные программы развития и проекты.

Территориальное планирование на федеральном и региональном уровнях увязывает пространственно-стратегическое и программно-проектное планирование соответственно.

На данный момент наиболее значимым в данном вопросе является Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 в ред. от 21.07.2020 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В данном Указе обозначены пять национальных целей развития до 2030 г., а также установлено 25 целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 г. Правительству Российской Федерации предписано «разработать и представить на рассмотрение Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года».

1 марта 2021 г. в Администрацию Президента РФ Правительством РФ был внесен проект Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года⁴, в котором представлены пять национальных целей и 28 целевых показателей и цель «Региональное развитие».

Счетная палата РФ осуществляет постоянный мониторинг достижения национальных целей, в том числе по Указу Президента РФ от 21.07.2020

⁴ Проект Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/proekt-edinogo-plana-po-dostizheniyu-natsionalnykh-tselei-razvitiya-rossiiskoi-federatsii-na-period-do-2024-goda-i-na-planovyi-period-do-2030-goda>

ежемесячно публикуется дайджест мониторинга национальных целей (по данному Указу Президента РФ с июля 2020 г.)⁵.

Ориентиром для определения стратегических приоритетов развития региона, его пространственно-отраслевой структуры может также служить «Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», подготовленный Аналитическим центром при Правительстве РФ, Минэкономразвития России, МИД России и Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) России при содействии Информационного центра ООН в Москве, Global Compact Network Russia, Российской ассоциации содействия ООН, представленный 14 июля 2020 г. в Штаб-квартире ООН в Нью-Йорке [22].

В Добровольном национальном обзоре указывается: *«Благодаря социальной направленности политики Россия достигает значительных успехов в осуществлении базового принципа Повестки-2030 “не оставить никого позади”. Так, этот принцип лежит в основе проводимой в стране политики по обеспечению доступа населения к социально-экономической, политической и другим сферам жизни»* [22, с. 20].

Однако следует заметить, что базовый принцип в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁶ обозначен как «никто не будет забыт». Принцип ООН «никто не будет забыт» имеет иное содержание нежели принцип РФ «не оставить никого позади». Это отличие имеет значение для рассмотрения устойчивого развития в разрезе его инклюзивности, определения стейкхолдеров, границ *Doughnut Economics* и т.д. Естественно, возникает вопрос о раскрытии понятия «позади» как с точки зрения несоответствующего формулировке Декларации Генеральной Ассамблеи ООН, так и различных современных теоретико-методологических подходов в отношении перспектив развития социально-экономических систем.

В Добровольном национальном обзоре рассмотрены все 17 целей устойчивого развития ООН (ЦУР), отмечается, что «цели устойчивого

развития все прочнее интегрируются в политику Российской Федерации. Это выражается как во включении в стратегические и программные документы страны отдельных целей и задач в логике устойчивого развития, а также некоторых показателей, отражающих степень их достижения, так и в формировании полноценной системы статистического учета показателей ЦУР для их мониторинга» [22, с. 20].

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) на своем сайте (<https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status>) на момент подготовки статьи показывает, что из 247 показателей Целей устойчивого развития ООН для России 83 показателя (33 %) разрабатываются, 17 показателей (6 %) в процессе разработки, 147 показателей (59 %) не разрабатываются. Росстат опубликовал сборник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации 2020» [23].

В 2020 г. Счетной палатой РФ было проведено экспертно-аналитическое мероприятие «Анализ системы государственного управления по внедрению повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший период 2020 года». Анализ, выполненный Счетной палатой РФ, показал, что «система государственного управления Российской Федерации в целом способствует реализации Повестки устойчивого развития, но есть ряд проблем, которые необходимо решить», в том числе в отношении механизмов взаимодействия заинтересованных сторон: *«...все заинтересованные стороны участвуют во внедрении Повестки устойчивого развития, при этом активность бизнес-сообщества (включая компании с участием государства), институтов гражданского общества и экспертного сообщества носит в основном инициативный характер. Информация о реализуемых мерах не систематизирована, оценка их вклада в достижение ЦУР на национальном уровне не выполняется»* [24, с. 3].

Кроме того, Счетная палата РФ рекомендует: *«создать единую информационную систему по внедрению Повестки устойчивого развития для организации взаимодействия министерств и ведомств, бизнес-сообщества, институтов гражданского общества и широкой общественности в рамках достижения ЦУР»* [24, с. 5].

Из представленного материала видно, что нормативно-правовая база и реализация решений служат необходимой, но уже достаточной основой для определения стратегических приоритетов развития региона и представления механизма выбора стратегических приоритетов развития его пространственно-отраслевой структуры.

⁵ Дайджест мониторинга национальных целей. Июль. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/ДАЙДЖЕСТ_НАЦЦЕЛИ.pdf

⁶ Декларация генеральная ассамблея ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765>

Механизм выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона

При разработке механизма выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона существуют различные теоретико-методологические подходы.

Одним из таких подходов является формирование направлений и приоритетов стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона с учетом информатизации российской экономики [25]. В статье в результате проведенного исследования проблемы определения направлений и приоритетов стратегического развития региональных пространственно-отраслевых структур и их реализации в условиях информатизации российской экономики предложен механизм формирования направлений и приоритетов стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона и их реализации (рис. 6).

В предложенном механизме прослеживается методологический подход, в основе которого лежит определение управления как совокупности механизмов / процессов организации, мотивации и информатизации с подмеханизмами / подпроцессами планирования и контроля по каждому из них.

В механизме формирования направлений и приоритетов стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона, представленному на рис. 6, блок 1, согласно приведенному выше определению управления, более соответствует организационному механизму / процессу, блок 2 – мотивационному механизму / процессу, блок 3 – информатизационному механизму / процессу, а блок 4 – планированию и контролю.

Выше, в разделах «Тенденции определения приоритетов развития» и «Нормативно-правовая база определения стратегических приоритетов развития региона», уже было показано, что мотивационная составляющая управления становится доминирующим механизмом / процессом.

Ключевым фактором управления устойчивым (пространственным, инновационным) развитием на современном этапе становится балансировка интересов стейкхолдеров по самому широкому спектру интересов – социальным, экономическим, экологическим и технологическим.

К стейкхолдерам стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона следует отнести: население / потребители, государство (руководители), государство (исполнители), производство (управляющие), производство (исполнители), процессы объектов управления.

В последнем случае можно говорить, что у каждого технологического процесса есть свои «интересы», особенности, которые вносят ограничения при их применении в интересах других стейкхолдеров.

Балансировка интересов происходит в рамках трех основных групп интересов – это «интересы человека», «интересы природы» и «интересы технологий». «Интересы человека» ограничиваются «интересами природы» и возможностями «интересов технологий».

Проявление кризисов в мирохозяйственной системе обусловлено чрезмерным доминированием «интересов человека», вступающими в противоречие с «интересами природы» при агрессивном использовании возможностей «интересов технологий». Пример последнего – абсолютизация роботизации может привести к исчезновению современного человека как вида (технологическая сингулярность) [26–28].

Рис. 6. Механизм формирования направлений и приоритетов стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона и их реализации [25]

Fig. 6. The mechanism for the formation of directions and priorities for the strategic development of the spatial and sectoral structure of the region and their implementation [25]

«Интересы человека» обусловлены его отношением к средствам производства (табл. 3). Абсолютизация интересов доминирующих бенефициаров порождает кризисные ситуации. Так, абсолютное исключение частного производителя при социализме исключило быстро реагирующее на потребности населения мелкотоварное производство, а олигархический капитализм практически не учитывает интересы населения, рассматривая его как ресурс для получения сверхприбылей.

Таблица 3 / Table 3

«Интересы человека» по отношению к средствам производств
 “Human interests” in relation to the means of production

Отношение к собственности на средства производства	Доминирующие бенефициары	Общественная формация
Частная собственность на средства производства	Крупные частные собственники	Олигархический капитализм
Государственная собственность на средства производства	Государственные чиновники	Государственный капитализм
Общественная собственность на средства производства	Население / потребители	Социализм

Данное нами для целей балансировки «интересов человека», «интересов природы» и «интересов технологий» определение устойчивого развития как баланса социальной, экономической, экологической и институциональной составляющих развития при опережающем потребностях

населения и запросы рынка технологическом развитии на основе создаваемых средств труда и знаний, обеспечивающим воспроизводство и развитие ноосферы в заданных границах пространства-времени [21, с. 9], достаточно полно отражено в определении понятия «ноономика» [1, с. 109]:

«Ноономика – неэкономическая общественная форма хозяйственной деятельности людей, нацеленная на удовлетворение ноопотребностей (в первую очередь – потребностей в развитии личности человека) на основе развития ноопроизводства, т.е. такого производства, которое осуществляется при выходе человека из непосредственной трудовой деятельности (“безлюдное производство” и управлении техносферой как внешней по отношению к человеку сферой реализации потенциала человеческого познания».

Исходя из этого определения, В.Л. Квинт и С.Д. Бодрунов рассматривают вопросы «экономической рациональности» и «нооэкономической рациональности» [1, с. 95], которые, собственно, и определяют баланс «интересов человека», «интересов природы» и «интересов технологий» (рис. 7).

Методология и технология балансировки интересов предложены Р.С. Капланом и Д.П. Нортоном [29, 30].

На рис. 8 представлен механизм выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона, в котором доминирует балансировка выбора стратегических приоритетов в мотивационном плане, через выявление интересов стейкхолдеров прежде всего с позиций устойчивого развития пространственно-отраслевой структуры региона

Рис. 7. Разные виды рациональности, определяющие баланс «интересов человека», «интересов природы» и «интересов технологий» [1]

Fig. 7. Different types of rationality, determining the balance of “human interests”, “nature interests” and “technology interests” [1]

Fig. 8. Mechanism for choosing strategic development priorities spatial and sectoral structure of the region

с учетом аспектов пространственного и инновационного развития. При этом накладываются ограничения по моделям *Doughnut Economics*, расширение по модели *Inclusive Economy*, оптимизация по модели *Sharing Economy / Collaborative Consumption*.

В механизме выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона выделены:

- модуль стратегического планирования (территориального планирования в разрезе пространственного развития);
- программно-проектный модуль с ориентацией на инновационный тип развития;
- контрольно-аналитический модуль, ориентированный в современных условиях на цифровизацию всех модулей механизма выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона.

Открытая отчетность по устойчивому / пространственному / инновационному развитию региона в разрезе его пространственно-отраслевой структуры формируется по примеру отчетности, публикуемой согласно Руководству по открытой отчетности в области устойчивого развития G4 [31].

Для постановки механизма выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры в регионе необходимо решить задачу обработки большого объема данных (*Big Data*). Это вопрос цифровизации экономики и государственного управления.

Для постановки такого механизма необходимо:

1) провести модернизацию системы управления развитием пространственно-отраслевой структуры на принципах цифровой экономики и территориального планирования;

2) повысить стратегичность и оперативность управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона в современных условиях путем цифровизации взаимосвязанных элементов пространственно-отраслевой структуры региона на цифровой картографической основе.

Принципы цифровой экономики:

а) принцип гибридного пространства

Гибридное пространство \in *Реальное пространство* \times *Виртуальное пространство*;

б) принцип «блокчейн» (*blockchain*) – выстроенная по определенным правилам непрерывная цепочка взаимосвязанных блоков (распределенная база данных, структура субъектов управления, структура объектов управления).

Принципы территориального планирования:

а) принцип устойчивого развития;

б) баланс социальной, экономической, экологической и институциональной составляющих развития при опережающем запросе населения и рынка технологическом развитии;

в) картографическая (пространственно-временная) визуализация данных.

Предложенный механизм выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона отражает достаточно развернутый методологический подход к выработке методических рекомендаций и предложений по организации, мотивации и информатизации управления при планировании и контроле процессов устойчивого развития пространственно-отраслевой структуры региона.

Заключение

Исследование проблематики стратегирования развития регионов привело к появлению такого направления как разработка механизма выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона. Структуру, свойства и особенности любого механизма определяют принципы его работы.

Исходя из анализа общемировых тенденций определения приоритетов развития и существующей на момент проведения исследования нормативно-правовой базы определения стратегических приоритетов развития региона в Российской Федерации, данное исследование показало целесообразность применения в качестве базового принципа механизма выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона принципа устойчивого развития, представленного как баланс социальной, экономической, экологической и институциональной составляющих развития при опережающем потребностях населения и запросы рынка технологическом развитии на основе создаваемых средств труда и знаний, обеспечивающего воспроизводство и развитие ноосферы в заданных границах пространства-времени.

Устойчивое развитие в таком представлении рассматривается как переходный этап к ноосферному подходу, который, в свою очередь, раскрывается понятием «нооэкономика» – неэкономическая общественная форма хозяйственной деятельности людей, нацеленная на удовлетворение ноопотребностей (в первую очередь – потребностей в развитии личности человека) на основе развития ноопроизводства, т.е. такого производства, которое осуществляется при выходе человека из непосредственной трудовой деятельности («безлюдное производство») и управлении техносферой как внешней по отношению

к человеку сферой реализации потенциала человеческого познания [1, с. 109].

В данных определениях устойчивого развития и ноономики ключевым моментом является балансировка интересов, которая происходит в рамках трех основных групп интересов – это «интересы человека», «интересы природы» и «интересы технологий».

Предлагаемый механизм выбора стратегических приоритетов развития пространственно-отраслевой структуры региона по своей сути представляет собой механизм балансировки «интересов человека», «интересов природы» и «интересов технологий». Можно полагать, что такой механизм будет служить способом перехода к ноономике как к новой стадии развития.

Список литературы

1. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; 2021. 351 с.
2. Щедровицкий П.Г. Азбука промышленных революций: современность. 2019. URL: <https://shchedrovitskiy.com/azbuka-promyshlennyh-revolyuciy-sovremennost> (дата обращения: 14.06.2021).
3. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир; 2018. 768 с.
4. Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А.А. Широ-ва. М.: Наука; 2020. 152 с. <https://doi.org/10.47711/sr1-2020>
5. Williamson J. The Washington Consensus as Policy Prescription for Development. A lecture in the series “Practitioners of Development” delivered at the World Bank on January 13, 2004. Institute for International Economics. URL: <https://piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (дата обращения: 16.06.2021).
6. Ананьин О., Шестаков Д., Хаиткулов Р. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;(12):15–27.
7. Ramo J.C. The Beijing Consensus. London: Foreign Policy Center; 2004. 74 p.
8. Quinn A. Time-traveling Larry Summers envisions “Mumbai Consensus”. 2010. URL: <http://web.archive.org/web/20100609135353/http://blogs.reuters.com/frontrow/2010/06/02/time-traveling-larry-summers-envisions-mumbai-consensus/> (дата обращения: 16.06.2021).
9. Pacetti E.G. The Five Characteristics of an Inclusive Economy: Getting Beyond the Equity-Growth Dichotomy. 13.12.2016. URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/blog/five-characteristics-inclusive-economy-getting-beyond-equity-growth-dichotomy> (дата обращения: 17.06.2021).
10. Ashford R. Why Working But Poor? The Need for Inclusive Capitalism. *Akron Law Review*. 2015;49(2):art.11(506-537).
11. Авдокушин Е.Ф., Иванова В.Н. Инклюзивное развитие: основные направления, базовые предпосылки и возможные ограничения. *Вопросы новой экономики*. 2014;(3(31)):4–13.
12. Freeman E.R. Strategic management: A stakeholder approach. Boston: Pitman; 1984. 276 p.
13. Никифорова Е.В., Клепикова Л.В., Шнайдер О.В. Устойчивое развитие экономических субъектов: ключевые задачи, этапы и интересы стейкхолдеров. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018;(3(24)):120–124.
14. Лихтарова О.В. Стейкхолдерский подход к сбалансированному развитию экономических субъектов. *Балканско научно обозрение*. 2019;3(2):102–105. URL: <https://balkan-sci-review.com/wp-content/uploads/2020/10/BSR-2019-T.3-24-2.pdf>
15. Freeman R.E., Martin K., Parmar B. Stakeholder Capitalism. *Journal of Business Ethics*. 2007;74(4):303–314. <https://doi.org/10.1007/s10551-007-9517-y>
16. Raworth K. *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. Random House Business; 2017. 384 p.
17. Соложенцев Е.Д. Управление безопасностью социально-экономических систем. *Проблемы анализа риска*. 2017;14(5):6–19. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2017-14-5-6-19>
18. Земскова Е.С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент*. 2019;(3):17–27. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-3-17-27>
19. Тугуз Н.С., Шичих Р.А. Экономика шеринга: специфика, тенденции развития, преимущества и недостатки реализации. *Вестник Академии знаний*. 2020;39(4):383–386. <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10497>
20. Экономика совместного потребления как новая экономическая модель. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2019. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/ekonomika-sovmestnogo-potrebleniya---novyj-mirovoj-trend-23705> (дата обращения: 11.08.2021).
21. Мишарин Ю.В. Стратегическое управление конкурентоспособностью региональных пространственно-отраслевых структур в современных условиях. *Экономика в промышленности*. 2021;14(1):7–16. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-1-7-16>
22. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Аналитический центр при Правительстве РФ, Минэкономраз-

вития России, МИД России и ФСГС России. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).

23. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. Краткий статистический сборник. М.: Росстат; 2020. 79 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>

24. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший период 2020 года». Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/761/76119231ce487594c1301b38be450c96.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).

25. Пыткин А.Н. Формирование направлений и приоритетов стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона с учетом информатизации российской экономики. *Экономика, предпринимательство и право*. 2021;11(6):1361–1372. <https://doi.org/10.18334/epp.11.6.112198>

26. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace. San Diego: San Diego State University; 1993:11–22.

27. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines. New-York: Penguin Books; 1999. 388 p.

28. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию. *Философские науки*. 2009;(2):91–105.

29. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес; 2003. 304 с.

30. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические Карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес; 2005. 512 с.

31. Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4: Инструкция по применению. Amsterdam: Global Reporting Initiative; 2013. 284 с. URL: <http://www.ecp.ru/sites/default/files/download/stakeholder/Russian-G4-Part-Two.pdf>

References

1. Kvint V.L., Bodrunov S.D. Strategic transformation of society: knowledge, technology, noonomy. St.Petersburg: Institute of New Industrial Development named after Witte; 2021. 351 p. (In Russ.)

2. Shchedrovitskiy P.G. The ABC of Industrial Revolutions: Modernity. 2019. (In Russ.). URL: <https://shchedrovitskiy.com/azbuka-promyshlennyh-revolyuciy-sovremennost> (accessed on 14.06.2021).

3. Glaz'ev S.Yu. Leap into the future. Russia in new technological and world economic structures. Moscow: Knizhnyj Mir; 2018. 768 p. (In Russ.).

4. Post-crisis economic recovery and the main direction of the socio- economic development forecast of Russia for the period up to 2035 / A.A. Shirov. Moscow: Nauka; 2020. 152 p. (In Russ.).

5. Williamson J. The Washington Consensus as Policy Prescription for Development. A lecture in the series “Practitioners of Development” delivered at the World Bank on January 13, 2004. Institute for International Economics. URL: <https://piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (accessed on 16.06.2021).

6. Anan'in O., Shestakov D., Khaitkulov R. Washington Consensus: Landscape after Battles. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010;(12):15–27. (In Russ.). URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2010/2-Ananyin.pdf

7. Ramo J.C. The Beijing Consensus. London: Foreign Policy Center; 2004. 74 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/23013/Beijing_Consensus.pdf

8. Quinn A. Time-traveling Larry Summers envisions “Mumbai Consensus”. 2010. URL: <http://web.archive.org/web/20100609135353/http://blogs.reuters.com/frontrow/2010/06/02/time-traveling-larry-summers-envisions-mumbai-consensus/> (accessed on 16.06.2021).

9. Pacetti E.G. The Five Characteristics of an Inclusive Economy: Getting Beyond the Equity-Growth Dichotomy. 13.12.2016. URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/blog/five-characteristics-inclusive-economy-getting-beyond-equity-growth-dichotomy> (accessed on 17.06.2021).

10. Ashford R. Why Working But Poor? The Need for Inclusive Capitalism. *Akron Law Review*. 2015;49(2):art.11(506-537). (In Russ.).

11. Avdokushin E.F., Ivanova V.N. The inclusive development: main direction, basic prerequisites and possible restrictions. *Voprosy novoj ekonomiki*. 2014;(3(31)):4–13. (In Russ.).

12. Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. Boston: Pitman; 1984. 276 p.

13. Nikiforova E.V., Klepikova L.V., Shnajder O.V. Sustainable development of economic entities: key tasks, stages and interests of stakeholders. *Azimuth of scientific research: economics and administration*. 2018;(3(24)):120–124. (In Russ.).

14. Likhtarova O.V. Stakeholder approach to sustainable development economic entity. *Balkan Scientific Review*. 2019;2(4):102–105. (In Russ.). URL: <https://balkan-sci-review.com/wp-content/uploads/2020/10/BSR-2019-T.3-24-2.pdf>

15. Freeman R.E., Martin K., Parmar B. Stakeholder Capitalism. *Journal of Business Ethics*. 2007;74(4):303–314. <https://doi.org/10.1007/s10551-007-9517-y>

16. Raworth K. Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist. Random House Business; 2017. 384 p.

17. Solozhentsev E.D. Management of safety of socioeconomic systems. *Issues of risk analysis*. 2017;14(5):6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2017-14-5-6-19>

18. Zemskova E.S. Sharing as a reflection of consumer values in the digital economy. *Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2019;(3):17–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-3-17-27>

19. Shichiyakh R.A., Tuguz N.S., Shering economy: specificity, development trends, advantages and disadvantages of implementation. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;39(4):383–386. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10497>

20. The sharing economy as a new economic model. 2019. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/ekonomika-sovmestnogo-potrebleniya---novyj-mirovoj-trend-23705> (accessed on 11.08.2021). (In Russ.).

21. Misharin Yu.V. Strategic management of competitiveness in regional spatial and sectoral structures under modern conditions. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2021;14(1):7–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-1-7-16>

22. Voluntary National Review of the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Analytical Center for the Government of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the FSGS of Russia. (In Russ.). URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (accessed on 20.06.2021).

23. Sustainable Development Goals in the Russian Federation. Brief statistical collection. Moscow; 2020. 79 p. (In Russ.). URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>

24. Report on the results of the expert and analytical event "Analysis of the public administration system for the implementation of the sustainable

development agenda for the period of 2019, the expired period of 2020". Accounting board of the Russian Federation. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/761/76119231ce487594c1301b38be450c96.pdf> (accessed on 11.08.2021). (In Russ.).

25. Pytkin A.N. Directions and priorities of strategic development of the regional spatial and sectoral structure, taking into account the informatization of the Russian economy. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021;11(6):1361–1372. <https://doi.org/10.18334/epp.11.6.112198>

26. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace. San Diego: San Diego State University; 1993:11–22.

27. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines. New-York: Penguin Books; 1999. 388 p.

28. Epstein M. The Creative Disappearance of the Human Being: An Introduction into Humanology. *Filosofskie Nauki*. 2009;(2):91–105. (In Russ.).

29. Kaplan R.S., Norton D.P. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. Boston: Harvard Business School Press; 1996. URL: <https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=15760>

Transl. in Russ.: Kaplan R.S., Norton D.P. Sbalansirovannaya sistema pokazateley. Ot strategii k deistviyu. Moscow: Olimp-Biznes; 2003. 304 p.

30. Kaplan R.S., Norton D.P. Strategy Maps: Converting Intangible Assets into Tangible Outcomes. Boston: Harvard Business School Press; 2004. URL: <https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=15760>

Transl. in Russ.: Kaplan R.S., Norton D.P. Strategicheskie karty. Transformatsiya nematerial'nykh aktivov v material'nye rezultaty. Moscow: Olimp-Biznes; 2005. 512 p.

31. Sustainability Reporting Guidelines G4. Amsterdam: Global Reporting Initiative; 2013. 284 p. URL: <http://www.ecp.ru/sites/default/files/download/stakeholder/Russian-G4-Part-Two.pdf>

Информация об авторе

Мишарин Юрий Валентинович – научный сотрудник, Пермский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, 614046, Пермь, ул. Барамзиной, д. 42/2, Российская Федерация; e-mail: 1907hb@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-2967>

Information about author

Yuri V. Misharin – Researcher, Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 42/2 Baramzina Str., Perm 614046, Russian Federation; e-mail: 1907hb@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-2967>

Поступила в редакцию 27.07.2021; поступила после доработки 25.08.2021; принята к публикации 01.09.2021

Received 27.07.2021; Revised 25.08.2021; Accepted 01.09.2021